

Из жизни звезд

Марчелло
МАСТРОЯННИ:ХОЧУ СЫГРАТЬ
ТАРЗАНА В СИБИРИ

КУДА там широкой публике! Проницательнейший Шерлок Холмс и тот не уследил бы за перевоплощениями Марчелло Мastroянни. Мастерски исполненные роли сменяли одна другую с такой быстротой, что кинокритики после 120 сбилых со счета и оставили надежду разглядеть «подлинного» Мastroянни в полицейском, журналисте, священнике, офицарте, интеллектуале, промышленнике, революционере, маркизе, бароне, в простом сицилийце или... гомосексуалисте.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ С АКТЕРОМ:
«Когда я снялся в главной роли в фильме Федерико Феллини «Сладкая жизнь», даже мою личную жизнь сравнивали с той, что была у персонажа. Режиссеры предлагали новые роли «завоевателя» женских сердец. На самом деле и я, и Марчелло в фильме не чувствовали себя завоевателями, разве что покоренными. Чтобы стряхнуть с себя поскорее несвойственный мне в жизни образ, я с удовольствием согласился сыграть в чем-то импотентного человека в фильме «Прекрасный Антонио». А во французской ленте пошел даже на роль беременного мужчины...»

Кто-то называет Мastroянни баловнем судьбы. Его рано заметил талантливый итальянский режиссер Лукино Висконти, не раз пригласил на ведущие роли такие мастера кино, как Антониони, Дзерри, Феллини, Скола, Моничелли, Де Сика, Ангелопулос, Де Сантис. Уже одна работа, независимо от ее результатов, со столь блестящими режиссерами, могла, кажется, разрушить голову, возбудить самолюбие. Но даже когда Мastroянни вручили голливудского «Оскара» за карьеру и критики ждали от актера лекции «о смысле кино, его предназначении», он и тогда не изменил себе.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ С АКТЕРОМ:
«Наверное, я мог бы интересоваться политикой, но она вызывает во мне отвращение. Моим увлечением могла бы стать музыка, но мне слишком поздно заниматься ею всерьез. Чтение утомляет глаза. Коллекционировать бабочек, растения? Нет, единственное, что меня увлекает, — это «собрание» друзей и работа в кино. Она бывает порой скучной, нередко очень трудной, и все же — она весела, подвижна, она радует. Подумать только, какая другая профессия позволит так много ездить, проникать в самое потаенное человеческой жизни. Однажды, много лет назад, снимался фильм в одной больнице. Мне довелось там присутствовать при тяжелой операции: женщине делали кесарево сечение. «Зачем это?» — спросят. — «Разве не из жизни?» — отвечу я.»

Богатый на выдумку, неистощимый весельчак, человек добрый, щедрый, «столь зрелый, по выражению американского актера Джена Леммона, и в то же время ребенок». Мastroянни лишь в редкие минуты расположен говорить о себе. Причем почти всегда это будет

разговор о каком-нибудь фильме, и только постфактум — о личном ощущении жизненной ситуации, человеческих поступков. Так было и в нашей беседе, когда я попросил рассказать Мastroянни о своей юности.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ С АКТЕРОМ:
«В год своего 60-летия я снимался в фильме Марио Моничелли «Двойная жизнь Маттиа Паскаля». Так я снова через 40 лет оказался в Венеции, где когда-то 20-летним зарабатывал на жизнь, рисуя для лавочки «С. Марко скуаре» бабочек на галстуках, которые покупали американцы. Я испытывал в те годы чувство голода. Работая над фильмом, невольно вспоминал, думал, есть ли человек, не мечтавший, как Маттиа Паскаль, убежать от окружающей его реальности. Но разве что Гоген сумел это осуществить. Тем не менее я верю, что каждому человеку снится бегство от реальности, желание родиться заново, начать все сначала без обязанностей, каких-либо связей и быть убежденным, что так можно прожить удивительную жизнь. Потому оказывается: все неправда. От реальности не уйти, взаимоотношения с ней можно разрешить лишь другим способом. Поэтому с Маттиа Паскалем — двуличным игроком, стремящимся убежать от всего, эгоистом, не умеющим ничего делать, выдающим себя за жертву, а в действительности способным оплакать мертвого, но быть абсолютно безразличным к живущему, меня мало что связывает. Хотя история Маттиа Паскаля, как никогда, актуальна. Многие могут узнать себя в этом персонаже.»

В жизни и в работе Мastroянни, по моему, не полемичен, а творчески утверждающ. Не могу себе представить актера на трибуне, горячо спорящим с публикой. Или доказывающего, что-либо кинокритикам.

Он не видит в этом смысла. Сколько стрел было выпущено советскими ревнителями «чистоты» Чехова, когда Никита Михалков снял с участием Мastroянни фильм «Очи черные». А позже на сцене римского театра поставил спектакль «Неоконченная пьеса для механического пианино», в котором «незабвенный Марчелло», вернувшись после 10-летней карьеры в кино на театральные подмостки, сыграл Платонова. Ни разу Мastroянни не позволил втянуть себя в беспощадные споры о «подлинном или выдуманном» Чехове. И не потому, как выяснилось в разговоре, что нечего было сказать.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ С АКТЕРОМ:

«Не помню, когда впервые прикоснулся к русской литературе. Кажется, в 14 или в 15 лет прочитал отдельные рассказы Достоевского и Толстого. Но в том возрасте у меня не было любимых персонажей в русской литературе. Русские литературные произведения требуют большой зрелости. Меня в том возрасте увлекали персонажи Купера. Только в начале театральной карьеры, в 50-х годах, в труппе Лукино Висконти я впервые «сошелся» с русской литературой. Участвовал в спектаклях «Три сестры» и «Дядя Ваня», поставленных по произведениям А. П. Чехова. Открытие величины и красоты этого русского писателя произошло для меня, думаю, именно тогда.»

Я почувствовал, что глубоко люблю творчество Чехова, что его произведения очень подходят мне как актеру. Никогда не считал себя героическим, как говорят, актером. Поэтому истории мелкобуржуазной среды, персонажи пораженческие, мир провинции, где никогда ничего не произойдет, были и остаются близки мне. Порою кажется, что чеховские персонажи живут, как рыбы в аквариуме — без цели.

Когда мне было за 60, а за плечами — роли более чем в 120 кинофильмах, судьба свела меня с Михалковым. Работа с ним в фильме «Очи черные», в спектакле «Неоконченная пьеса для механического пианино», мне очень понравилась. Скажу откровенно, Чехова в интерпретации Михалкова я нахожу без навыков настоящим, живым. На Западе Чехова всегда интерпретировали в драматическом, трагическом ключе. Я же, напротив, нахожу, что наиболее блестящим образом Чехова можно представить в юмористическом ключе.

Мне видится такое его прочтение более верным. Сам Чехов всегда просил об этом тех, кто ставил его произведения. Юмор и даже комичность, присутствующие в спектакле Михалкова, не перечеркивают драматизма, свойственного чеховским персонажам. Они усиливают его. Эти персонажи ведь смешны. Произносят речи инфантильных мечтателей. Заставляют нас смеяться. Когда кто-то хочет убить и, стреляя, произносит «пум-пум», то это уже комедия. Но в этом же и трагичность персонажа. Так бывает в жизни. При виде падающего человека мы смеемся, хотя смеяться нечemu. Потому как насколько несмешно видеть человека, поскользнувшегося на корке банана, упавшего и разбившего себе голову. Смеется инстинкт. Потом ситуация

трансформируется в более серьезную. Думаю, интерпретировать Чехова в таком ключе — прекрасно.»

Размышляя о своем понимании Чехова, о Платонове, Мastroянни как-то и не заметил, что раскрывает, возможно, «сокровенные стороны собственного мироотношения, о чем так не любит говорить вслух. Эта спонтанная, пусть и непродолжительная открытость не могла не радовать. Не Пиранделло, а именно Чехов — совсем не итальянский писатель — способствовал раскрытию души «истинного», сдержанного даже внутренне, застенчивого итальянца Мastroянни.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ С АКТЕРОМ:

«Платонов так и не возмужал. Он знает о своей неспособности что-либо изменить, чувствует: должно что-то произойти. Я понимаю его. Не люблю героев, святых. Они вызывают у меня страх. Будучи больше грешником в общем смысле этого слова, я с теми, кто не умеет плавать. Нахожу их более человечными. Понимая таких персонажей, я, видимо, обнаруживаю и собственные лимиты.»

Говорят, вот если бы чеховских персонажей поместить в иные условия жизни... Думаю мало бы что изменилось для них. Схватенные Чеховым типы людей есть и сегодня. Наверное, публика и аплодирует так горячо, что узнает в чеховских персонажах себя. Достаточно поехать в любую провинцию, не только в русскую.

Времена, конечно, изменились. Люди стали более расчетливыми. Но живет еще немало людей, для которых внешние изменения мало что значат. Когда я слышу, что русские не так ставят Чехова на Западе, как у себя дома, то это лобопытно. Никто не хочет заметить, что, например, Михалков обогатил меня как актера.

Ах, зависть человеческая... Если бы критики и политики могли работать так, как работают вместе творческие люди, сколькими бы проблемами стало в жизни меньше. Труд артиста почти всегда добросовестен. Я рассматриваю это как участие в чисто культурной работе. В кино за время, потраченное в театральном спектакле, мог бы заработать в 20 раз больше. Но нет, театр очищает. А чеховский — помогает узнать лучше мир России, русскую литературу. Почему надо замыкаться в собственном доме? Пойдемте друг к другу в гости, обменяемся опытом, в том числе и прочтения Чехова. Это интересно на человеческом уровне.»

Последние годы во многих фильмах Мastroянни снимался за рубежом. Во Франции, в Советском Союзе, в Греции, в Венгрии. А теперь готов по-

даться в Сибирь, чтобы сняться в фильме «Тарзан». Подумать только. Мastroянни в роли Тарзана. Стоит кому-либо услышать о желании актера, как раздается смех. А Мastroянни говорит вполне серьезно. Не устает повторять, что роль Тарзана ему очень близка и понятна. Что это, комедия или драма?..

ИЗ ИНТЕРВЬЮ С АКТЕРОМ:

«Когда выбираешь роль, выбираешь ее для себя. О публике в тот момент не думаешь. Почему Тарзан должен быть обязательным мускулистым Рэмбо? В Сибири я вижу Тарзана одиноким, потерпленным. Не прыгающим, подобно обезьяне, с дерева на дерево, а грустным, стареющим и все понимающим.»

Сыгранные роли ничего больше не значат. У меня нет культа моего прошлого, нет фотоархива или собрания статей критиков о моей работе. Нет кассет с фильмами, в которых снялся. Я остался дилетантом, каким был в университетские годы. И так же, как в юности, ищу в людях признаки уважения к настоящему и будущему. Может быть, обращение со страниц «Труда» поможет найти людей, которые увидят меня в роли Тарзана. Поверьте, я серьезно...»

П. НЕГОИЦА,
соб. корр. «Труда».

На снимке: Марчелло Мastroянни. Фото из приложения к газете «Республика» — «Венерди».

РИМ.